

КРАСНЫЕ РОЗЫ ДЛЯ

ШОНА О'КЕЙСИ

К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«Красные розы для меня» — название одной из самых поэтических пьес о революционной борьбе, созданных выдающимся ирландским писателем Шоном О'Кейси. Охапку красных роз, как знамя борьбы, кладут на грудь погибшего героя, рабочего и художника, борца и мечтателя. «Красные розы для Шо-

на» — было написано на программе одной из постановок пьесы.

Писатель горьковской судьбы, О'Кейси до самой смерти вел неустанную борьбу за передовое искусство, борьбу за то, чтобы жизнь на земле для всех людей стала радостью, не омраченной страхом войны.

Имя Шона О'Кейси стоит в одном ряду с такими реформаторами театра, как Чехов и Горький, Шоу и О'Нил, Лорка и Брехт. Важным вкладом О'Кейси в развитие мировой драматургии было создание оригинальной поэтической драмы как драмы социального действия. Писатель воспевал жизнь, веря в возможность ее преобразования.

В предисловии к русскому переводу пьесы «Костер епископа» он писал: «Я хочу помогать тем, кто призывает к миру, помогать до тех пор, пока мы не убедимся, что жизнь на этой земле существует для всех, кто трудится и мыслит».

Идейные и художественные искания Шона О'Кейси нашли самый живой отклик в Советском Союзе. Он вошел в нашу жизнь как «Шекспир ирландской революции», если

воспользоваться названием одной из первых статей о его дублинских пьесах, опубликованной в 20-е годы. Достоянием русских читателей произведений О'Кейси стали с помощью замечательных советских переводчиков, работавших под руководством И. А. Кашкина. Они сумели поистине виртуозно передать многогранность художественной индивидуальности писателя.

С конца 30-х годов и почти до самой кончины О'Кейси был частым гостем на страницах советских газет и журналов. Общественные и литературные события в равной степени становились для него темами выступлений, в которых он всегда легко устанавливал живой контакт с читателем. Голос О'Кейси часто звучал в «Литературной газете» — порой жестко и громко, чаще мягко, лирично и всегда неповторимо образно.

О'Кейси был не только драматургом, но и замечательным мастером прозы. Со страниц его шеститомного автобиографического цикла встает образ насмешливого и жизнерадостного человека, мягкого и доброго, когда он говорит о тех, кто близок ему по духу, язвительного и резкого по отношению к идейным противникам. «Я стучусь в дверь» (1939) — назвал он книгу о начале своей «бесстрашной и радостной» битвы с жизнью. Книга «Закат и вечерняя звезда», заключающая цикл, вышла в 1954 году. Впереди еще оставались десять лет жизни — несколько пьес и много публицистических выступлений. И все же эта книга осталась «прощальным» произведением О'Кейси.

Предлагаем вниманию читателей заключительные страницы книги.

не о скорбном вопле, несущемся из пекла злодейской войны, которая кому-то оказалась нужной. На генеральских мундирах уже нет места для наград. Но молодые не хотят умирать ради мишуры на груди генерала.

...Он пишет осязая, когда листья отправляются в свой последний полет и, падая, прощаются с жизнью. Сухие и желтые, деревья от них уже нет проку; они выполнили свою работу, и молодые почки спешат вытеснить их, вытеснить из жизни навсегда. Сухой и желтый лист медленно падает, оторвавшись от всего, что было ему дорого, и уносит с собой на землю частицу прекрасной мечты о лете. Так и он сам — один легкий толчок, и, как ни цепко желание удержаться, порвется нить и полетит он кувырком о бурлящего жизнью дерева...

Погибли цветы, едва живы пчелы, и листья вокруг все уже облетели. Чудная печаль разлилась повсюду. Но придет время, и здесь вновь проснется жизнь. Ярко-красный георгин гордо выстабит перед всем миром свою красоту, и пчелы будут жужжать, гудеть и жужжать, как если бы солнце светило вечно и мороз ушел навсегда. Но и у зимы есть свои красоты, даже для тех, кто стар и дрожит от холода, — свежий воздух, холодная утренняя дымка, голые стволы деревьев, поднявшиеся к небу, спокойствие земли, ожидающей возвращения весны...

И теперь, когда солнце зашло и вечерняя звезда целомудренно соприкасается с ночью, еще многое нужно сказать, многое сделать. Но прежде всего поднять бокал! За что он выпьет? За прошлое, настоящее или будущее? За все вместе! Он выпьет за жизнь, за все три ее части! Когда голова поседела, уснули желания и иссякли силы, когда солнце зашло и ему светила только безмятежная, предостерегающая вечерняя звезда, он пил за жизнь, за все, что в ней было, что в ней есть и что еще будет. Ура!..

Публикацию подготовила Алла САРУХАНИЯ

Шон О'Кейси, 1964 год

СОЛНЦЕ зашло, унося за собой золотые и зеленые гирлянды лучей, оставив Шона в мерцании полуночи. Он наслаждался последними минутами жизни, и только одинокая вечерняя звезда светила ему. Скоро настанет время для прощального поцелуя миру. Он уже старик, и его могут в любую минуту отозвать из дома жизни. Осталось немного, но и на пороге еще есть время выпить за жизнь, которую он прожил, и еще раз за все, что, быть может, ждет его впереди.

Земля — место бесконечных прибытий и уходов; в каждом приветствии слышен отзвук прощания — прощай, Салли, прощай и ты, Сью. Удивительная интерлюдия, какой прекрасной и волнующей она была для него! Он жил и боролся на протяжении двадцати лет девятнадцатого столетия и более чем половины двадцатого. Он хорошо прошел свой путь. Теперь его дорогу освещала лишь вечерняя звезда, яркая утренняя звезда никогда больше не будет ему светить. Печально, но и печаль его уже позади — ведь и вечерняя звезда по-своему прекрасна. Долгий взгляд в прошлое — вот он в юбочке из красно-черной шотландки, этаким маленьким роб рой сидит на пороге дома, что на Лоуэр-Дорсет-стрит, смотрит, как ребята постарше и посмелее шалят на опасной дороге; в ушах стоит грохот телег, подвод, колясок, их окованные железом колеса катятся по булыжнику; в носу раздражающий запах навозной пыли. И опять долгий взгляд в прошлое — вот он, озябший, взобрался на ступ, смотрит в окно, как дождь барабанит по мостовой, водяные стрелы ударяются о землю и оставляют воронки, а вокруг расходятся круги, кругляшки — монетки, говорит мать, Каким же богатым он стал, пока лил дождь! Не отец, сын и святой дух, и не солнце, луна или звезды, а пенсы были божествами для всей этой нищей ребятни. Ходили ли они в католическую школу или в воскресную протестантскую, поклонялись они одному и тому же пенсу. Да и теперь, хотя он уже старик, а не малыш в юбочке из красно-черной шотландки, он все еще стоит у дверей в надежде получить хоть несколько монет. Как и другие художники. Они стоят у дверей, на улице, со шляпой или кепкой в руках в надежде, что бог надоумит хоть одного прохожего швырнуть пенс в протянутую шапку.

Почему-то считают, что писатель с именем обязательно богат. Вот и его сколько раз приглашали принять участие в благотворительности — ну что ему стоит вытащить из нижнего ящика забытую безделушку. Запустите поглубже руку, советовао один проситель, и вы, уж конечно, найдете пару золотых запонки, золотой портсигар или золотые часы, о которых давно и думать забыли. Малыш в юбочке из красно-черной шотландки давно стал стариком, но ни прежде, ни теперь не удавалось ему, небрежно запуская руку в ящик, вытащить оттуда золотые часы...

Молодые, вступающие в жизнь, не могут быть копией стариков, ее покидающих. Стоя у двери, он видел, как непохоже это поколение на то, к которому принадлежал он сам. Если старики этого не признают, молодежь не станет с ними считаться. Эй лисий, убирайся! Служить можно лишь одному поколению, и нет ничего унижительного в неспособности властвовать над другим. На примере собственных троих детей он видел, как резко изменилась жизнь со времен его красно-черной шотландки; да и он сам, слава богу, кое-что сделал ради этих перемен... Молодые энергично занялись делом жизни, который покидают старики: выбрасывали старые вещи, вносили новые; меняли сам вид дома (хотя нередко молодежь, вступающая в жизнь, оказывалась старомоднее стариков, из нее уходивших); развешивали по стенам новые картины; рушили перегородки, отделявшие одну семью от другой; с молодым пылом наводили лоск, шире открывали окна.

...Генералы недовольны состоянием дел. Их тревожит, что люди не хотят думать о войне, горячей или холодной. Пожелание генерала Монтомери, чтобы верховный главнокомандующий взял на себя ведение «холодной войны», было встречено без энтузиазма. «Понятия не имею, как это можно сделать», — сказал он, — да это и не входит в мои обязанности. Я человек для горячей войны, если она начнется. В «холодной войне» мы не одерживаем побед, вот и приходится превращать ее в горячую. Когда политики садятся в лужу из-за неудач в «холодной войне», они передают дело нам». Вам, вам, приятель. Говорит, как о погоде — холодной или жаркой будет весна; словно речь идет не о горе, не о разрушениях, не об убитых, которых не успевают хоронить,